

ЯВЬ ОКТЯБРЯ

Заметки о спектакле «Моей памяти поезд»

театра-студии на Красной Пресне

ВОСКРЕСЕНЬЕ. 12 часов пять минут. Мы не в театре, а на платформе Каланчевская. Электропоезд Москва — Львовскя точно по расписанию отправляется в путь. Мы заходим в вагон, на дверях которого плакат: «Посадки нет». И мы не пассажиры в обычном смысле слова, а зрители совершенно необычного спектакля, спектакля-эксперимента, где место действия — вагон поезда, а едущие в нем актеры и зрители — соучастники спелического действия.

В проходе вагона — человек в длинной шинели. Это Феликс Эдмундович Дзержинский, нарком путей сообщения. По заданию В. И. Ленина он отправляется в Сибирь. В ту самую Сибирь, что была местом его первой ссылки, из которой он бежал и, несмотря на преследования, сумел добраться до Варшавы. Поток воспоминаний о трудных годах революционной борьбы словно бы заполняет пространство вагона. «Моей памяти поезд», — роняет тихо Дзержинский. Актер молодежного театра-студии на Красной Пресне Александр Зотов, оставив шинель народного комиссара, — уже в среде своих польских товарищей по подполью: Роль Люксембург (Е. Овчинникова), Генриха Новоковского (В. Калыгин), Софьи Тшедецкой (Д. Мордянова), Мицея Грыбаса (А. Бражников), М. Сладкопещева (С. Жданов), Юлии Гольман (А. Федорова; М. Москаленко). Плотным кольцом обступают они молодого Юзефа (подпольная кличка Дзержинского), и уже слышится дерзкая песня, рефрен которой подобен клятве: «Возьмемся за руки друзья, возьмемся за руки, друзья...».

Молодежный театр-студия на Красной Пресне основан на принципе подлинного творческого единомыслия. Ее художественный руководитель Вячеслав Спесивцев неистовым и последовательным в поиске новых путей в искусстве сцены, самых тесных связей со зрителем. Спектакль «Моей памяти поезд» создан им на основе романа Юлиана Семенова «Горение» и отражает этапы жизни Дзержинского-революционера, время создания польской рабочей партии, кровавых столкновений с царской охранкой, преодоления самых изощренных форм жандармерии, стремящейся парализовать революционные выступления народных масс.

Прорыв театрального эйдолла в пространство, поистине не ограниченное ни местом, ни временем, пожалуй, происходит впервые в истории театра. Когда в определенные моменты сценического действия поднимаются шторы, которыми закрыты окна вагона во время движения поезда, и мы видим на миг неподвижную гладь реки (речь идет о клянувшейся в воды Вислы юной Агнешки), либо платформу, на которой происходит расправа над бунтовщиками, или вдали высится карьер, где расстреливают подпольщиков Грыбаса, — трудно сказать, где находится граница театрального восприятия. (Кстати, здесь уже соучастниками спектакля становятся те, кто точнее образом ведет электропоезд!). А когда кончается первый акт и поезд в тот же момент подходит к станции Львовская, мы выходим из вагона, и драматургическое действие развивается дальше.

Только теперь оно происходит на невысоком холме, с противоположной стороны железнодорожного полотна. Зрители и часть исполнителей — на платформе, а на

холме и корчме паки Роквальской — нелегально пробирающийся в Польшу Дзержинский находит проводника — молодого парнишку Анджея, брата Агнешки, стихию мести которого за погибшую сестру он направляет в русло общей борьбы. Действие разворачивается напряженно и трагично. Зритель живет судьбой Дзержинского, включен в логику его борьбы.

Третий акт — обратная дорога в Москву — отражает события в сложном переплетении: Варшавское восстание 1905 года, кровавая над ним расправа, ловушки, расставленные жандармерией для поимки Дзержинского. Зоркость Дзержинского в угадывании очагов предательства проявляется и здесь. Именно эта прозорливость поворачивает события так, что сети, столь хитроумно изготовленные для Дзержинского полковником Шевляковым (С. Скрипкин) и ротмистром Глазовым (Ф. Куйбида), оказываются разорванными. Выпестованное жандармерией предательство разоблачается.

«Театр для огромной массы, театр, в котором участвует масса, — писал А. В. Луначарский, — является той новостью, которую коммунистический строй выдвинул на первый план». В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции осуществлялись поистине массовые действия. Перед многотысячной толпой в обобщенных, чаще всего плакатных или символических образах Труд, Капитал, Революция, в действиях масс выявлялся смысл великого переворота. Театрализованные зрелища, разыгрываемые во множествах городов страны, существовали относительно недолго. Порожденные революционным взрывом, гражданской войной, они с переходом к мирному строительству стали устраиваться реже.

Спектакль, созданный молодежным коллективом, думается, содержит в себе зерна именно этих революционных традиций, осмысливаемых в иных условиях и на ином этапе жизни нашего общества. Здесь масштабность устремления соединена с камерностью. Величие подвига раскрывается по-особому достоверно.

Весь спектакль пронизан песней. Песнями Булата Окуджавы. Они поются под аккомпанемент гитары энергично, боевито, подобно брехтовским зангам. И как правило, с ними поют зрители, а если и стесняются петь, то потребность в пении все равно испытывают.

«Моей памяти поезд» завершается на платформе в Москве. Снова в шинели Феликс Дзержинский. На наших глазах он мужал и обретаю стойкость. Он перечисляет всех, кто пал в борьбе за лучшую жизнь, они выходят один за другим на платформу вокзала и, точно на перекличке, встают против окон вагона и медленно обрастают к нам протянутые руки. Песня Булата Окуджавы о людском рукопожатии звучит еще долго в памяти и в душе.

В дни 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции коллектив молодежного театра-студии на Красной Пресне был удостоен премии Ленинского комсомола. Среди многочисленных друзей, что помогают театру в его благородном деле, значительную роль играет трудовой коллектив лепо Перерва Московской дороги.

Л. СОЛНЦЕВА,
кандидат
искусствоведения.